

М.В.ЗАБРОВСКАЯ,

*специальный корреспондент службы
информационных программ ГТРК «Чита»,
заместитель председателя Читинской региональной
общественной организации «Рериховский центр»,
Чита*

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АКАДЕМИКА Н.К.РЕРИХА И ЗАБАЙКАЛЬЕ

«Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету» [1, с. 374]. Так лаконично обозначил Николай Константинович Рерих в своем путевом дневнике в 1926 году огромную территорию Сибири, включающую Алтай, Прибайкалье и Забайкалье, – российский маршрут Центрально-Азиатской экспедиции, пройденный по пути в Монголию.

1926 год – непростой год в жизни молодой советской республики. Особенно непростое время это для байкальских областей, только что здесь прекратила свое существование Дальневосточная республика (ДВР), к 1926 году уже не один раз изменились границы территориального деления областей, даже в архивах сейчас непросто найти карты тех лет, на которых бы были исторически точно отражены границы и названия краев и областей на обширной территории Сибири. Все в движении, все живет и дышит новой жизнью, новые импульсы развития получают практически все стороны жизни людей. Недаром так приятно поражены Николай Константинович и его спутники встречей на туркестанской границе, когда они впервые ступили на землю Советской страны. *«Где же такая пограничная комендатура, где можно было бы говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно. <...> На каком еще пограничном посту будут так говорить и так мыслить?»* [1, с. 354]. Эта цитата из книги Н.К.Рериха хорошо известна, для меня она важна тем, как очень точно и по-рериховски емко и красочно определил Николай Константинович духовный подъем, характерный для того времени.

В этом же 1926 году, в январе, в Москве прошел очередной пленум Центрального бюро краеведения под председательством академика С.Ф.Окладникова. На пленуме обсуждались вопросы, удивительным образом перекликающиеся с идеями Рериха: идеи о синтезе науки и культуры, о вовлечении в культурное строительство широких слоев общественности. Представитель молодой кавказской республики Алибек Алибекович Тахо-Годи, видный государственный деятель того времени, сказал там в своем выступлении: *«Для союзных республик, только начинающих становиться на ноги и жить самостоятельной жизнью, основной краеведческой работой является познание себя — своего языка, истории, фольклора. Краеведение — научное познание края. Это познание должно преследовать и поднятие производительных сил»* [2, л. 27об., 28].

А в это время за тысячи километров от Москвы, в далекой Монголии, эти же мысли побуждали к действию моего земляка, ученого-востоковеда, одного из организаторов Ученого комитета Монголии (ныне Академии наук МНР) Цыбена Жамсарановича Жамцарано, талантливого этнографа, фольклориста, публициста, выдающегося политика и общественного деятеля, сыгравшего важную роль в становлении советской власти на территории Забайкалья и Монголии.

По иронии судьбы, во многих публицистических и научных работах прошлых лет, да и в некоторых изданиях, посвященных Центрально-Азиатской экспедиции, Цыбен Жамцарано назван крупнейшим ученым Монголии. Да, для Монголии он сделал не-оценимо много, но не меньше сделал он и для своей малой родины — для Забайкалья, где в Агинском степном урочище Судунтуй в 1881 году в бурятской юрте середняка-скотовода шарайтского рода он появился на свет.

Цыбен получил начальное образование в Читинском городском трехклассном училище, где проявил большую тягу к знаниям. Это заметил часто бывавший в родном Агинском Петр Александрович Бадмаев, известный по всей России врач, знаток тибетской медицины. П.А.Бадмаев отвез юношу в Петербург, где тот в 1896 году поступил в основанную Петром Бадмаевым гимназию для бурятских детей, однако из-за конфликта с Бадмаевым, вызванного попыткой принудить Цыбена и его товарищей к принятию православия, был вынужден ее покинуть.

Желание же получить образование было сильно, и он успешно оканчивает Иркутскую учительскую семинарию. После двух лет работы народным учителем в Аге в 1903 году он поступает вольнослушателем в Петербургский университет на восточное отделение. Его учителями стали такие известные ученые, как Сергей Федорович Ольденбург, Дмитрий Александрович Клеменц, Владислав Людвигович Котвич, Андрей Дмитриевич Руднев, который, как нам известно, стал впоследствии и первым учителем-монголоведом Юрия Николаевича Рериха. Кроме того, во время учебы в университете Цыбен посещал лекции и занятия юридического и естественного факультетов.

Интерес Жамцарано к Востоку не был обусловлен лишь тем, что он сам являлся носителем культуры Востока. Перед Цыбеном были примеры его старших товарищей. Об одном из них, Петре Александровиче Бадмаеве, я уже упоминала.

Личность известная не только в России, но и далеко за ее пределами, востоковед, знаток тибетской медицины, лечащий врач императорской семьи, Петр Бадмаев — также выходец из Агинских степей. Родился он в 1849 году в бурятской семье кочевника-скотовода Засогола Бадмы. Среди монголов и бурят принято знать своих предков до одиннадцатого колена. Свой род Засогол Бадма вел от Добо Мергэна, того самого, кто был отцом Чингисхана. Из Аги вслед за своим старшим братом Сульгимом, известным в Петербурге владельцем первой аптеки тибетских лекарственных трав, другой сын Засогола Бадмы, Жамцаран, получивший впоследствии при крещении имя Петр Александрович, приехал в Санкт-Петербург и в 1871 году поступил на восточный факультет Петербургского университета, а в 1875-м окончил его с отличием. Одновременно он был зачислен вольнослушателем в Медико-хирургическую академию. В этом же году Петр Бадмаев был принят на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где его деятельность была тесно связана с внешней политикой России на Дальнем Востоке. Он побывал в Монголии, Китае и Тибете. Петр Александрович Бадмаев предлагал усилить экономические связи, товарообмен с монголами, поставлять им вооружение, вести в широких масштабах пропаганду по восхвалению «белого царя» и могущества России — и таким образом настроить местное население против цинского господства.

Основное же дело П.А.Бадмаева — изучение тибетской медицины. Он перевел с тибетского языка на русский главный трактат тибетской медицины «Чжуд-ши». Врачебная практика Бадмаева в Петербурге пользовалась большой популярностью. У него лечились представители российской интеллигенции, министры и придворные сановники, часто приходилось ему консультировать и сына императора Николая II цесаревича Алексея.

Стоит сказать, что не только Цыбену Жамцарано дал путевку в науку Петр Бадмаев. За несколько лет до истории с Жамцарано подобный путь проделал и другой наш земляк, известный всему миру путешественник, ученый-востоковед Гонбочжаб Цыбиков. В 1884 году в Чите была открыта гимназия, куда, учитывая значительные финансовые пожертвования агинских бурят, впервые в России стали принимать инородцев. Одним из первых туда поступил и Гонбочжаб. Он стал первым бурятом, окончившим 1893 году Читинскую гимназию, да еще с серебряной медалью. Имея отличные знания, он претендовал на золотую медаль, но руководство гимназии не решилось дать ее инородцу. Однако педагогический совет гимназии решает помочь талантливому юноше продолжить образование. Ему выдается пособие и прогонные до Томска. Цыбиков поступает на медицинский факультет Томского университета и успешно оканчивает первый курс. Но встреча Гонбочжаба Цыбикова с Петром Бадмаевым в Томске круто изменила судьбу юноши. Когда Гонбочжаб приезжает на каникулы в Агинское, П.А.Бадмаев, пришедшийся родственником по материнской линии семье Цыбиковых, оказывается там и склоняет Гонбочжаба оставить обучение в университете и стать востоковедом. Гонбочжаб, по настоянию Бадмаева, уезжает в столицу Монголии Ургу, где около года учится в школе, открытой на средства братьев Бадмаевых. Школа готовила переводчиков, писарей, делопроизводителей, коммерсантов — словом, «деловых людей», с помощью которых царская Россия могла проводить свою «восточную политику» в Монголии, Маньчжурии и Китае. После этого он переезжает из Урги в Петербург, где Петр Бадмаев к этому времени открыл свою школу для 40 бурят. Было условие, что ученики должны принимать христианство и отказаться от веры отцов. Гонбочжаб Цыбиков, как впоследствии и Цыбен Жамцарано, отказался креститься, за что ему не позволили учиться в школе

Бадмаева. Несмотря на это Цыбиков решил остаться в Санкт-Петербурге и поступить на восточное отделение университета. Петр Бадмаев отказал Гонбочжабу в своей опеке, тогда отец Цыбикова рассказал о случившемся своим землякам агинчанам. На совете решили: Гонбочжаб будет учиться в Петербурге – и жертвовали, кто сколько мог. Нужно отметить, что это вообще отличительная черта агинских бурят, среди которых в то время было немало грамотных, знавших русскую и старомонгольскую письменность, некоторые даже вели дневниковые записи, стремились дать своим детям образование. Таким образом, в 1895 году Цыбиков становится студентом китайско-монгольско-маньчжурского отделения Санкт-Петербургского университета, где преподавали ведущие ученые-востоковеды России. Его руководителем стал профессор Александр Матвеевич Позднеев, один из выдающихся монголоведов. Все преподаватели Цыбикова отмечали его склонность и способность к исследовательскому труду. Поэтому в 1898 году Русское географическое общество предложило Цыбикову предпринять путешествие в Центральный Тибет после окончания университета.

Во второй половине XIX века русские ученые приступают к осуществлению программы научного исследования Центральной Азии, в которой особое место отводится Тибету. Все попытки исследователей проникнуть в Лхасу большой экспедицией в конце XIX – начале XX века заканчивались неудачей. Вот почему, по мнению А.М.Позднеева, человек, который попал бы в Лхасу, обладая при этом широким кругозором и достаточным образованием, смог бы сделать огромный вклад в изучение Тибета. Предложение Русского географического общества было очень заманчивым для Гонбочжаба Цыбикова, и в 1899 году, после окончания университета с золотой медалью, он сразу же начинает подготовку к экспедиции. Помощь ему оказывает Русское географическое общество. Цыбиков прибывает в Ургу, где находит себе попутчиков, и 25 ноября 1899 года в одежде бурятского ламы-паломника Гонбочжаб Цыбиков отправляется в путь. Более двух лет длилось его путешествие. Лишь в мае 1902 года, достигнув заветной Лхасы, он возвращается в Россию. А 7 мая 1903 года он делает доклад в Русском географическом обществе о своем путешествии в Тибет. Этот доклад, как и публикация в этом же году предварительного

сообщения о Центральном Тибете в «Известиях Русского географического общества», с приложением первых в мире фотографий Лхасы и главнейших монастырей Тибета, стали сенсацией для ученых всего мира.

Резонанс был огромен. Николай Константинович Рерих принял участие в обсуждении доклада, сделанного его прежним товарищем по университету (по воспоминаниям директора Агинского краеведческого музея им. Г.Цыбикова Жигжитжаба Доржиевича Доржиева, С.Н.Рерих рассказывал ему о том, что Гонбочжаб Цыбиков и Н.К.Рерих вместе слушали лекции в Петербургском университете [3, с. 3–4]). В дальнейшем в своих трудах Николай Константинович и особенно Юрий Николаевич не один раз ссылаются на работы Гонбочжаба Цыбикова. Ю.Н.Рерих при подготовке предполагаемых маршрутов Центрально-Азиатской экспедиции внимательно изучил труды тех, кто уже прошел этими путями, не на последнем месте были и работы Цыбикова.

Русское географическое общество высоко оценило подвиг Цыбикова. В его честь была выбита золотая медаль с надписью: «За блестящие результаты путешествия в Лхасу». Ученый удостоился высшей награды Русского географического общества – премии имени М.Н.Пржевальского.

Еще один важный момент, касающийся экспедиции Цыбикова, – перед отъездом в Тибет верховный служитель культа Агинского дацана лама Данжинов, который получил богословское образование в Тибете, снабдил Гонбочжаба томом «Лам-Рим Чэн-По» [4, с. 167], изданным в Тибете. Этот том отличался от других изданий тем, что строки в нем были напечатаны с большими просветами, с удобными полями. Эту книгу Цыбиков во время путешествия читал, переводил и одновременно вписывал между строк свои наблюдения. «Лам-Рим» был для него и учебником, и дорожным секретным дневником. «Лам-Рим» в переводе Цыбикова, снабженный комментариями и предисловием, дал толчок дальнейшим исследованиям Б.Я.Владимирцева, Е.Е.Обермиллера и Ю.Н.Рериха, посвященным истории рождения ламаизма и биографии его «отца» Цзонхавы. Эти ученые в своих работах отмечали крупнейшую научную заслугу Цыбикова в исследовании проблемы ламаизма и жизни его основателя наряду с путешествием и описанием Центрального Тибета.

Кроме того, в 1907 году, когда Цыбиков возглавляет кафедру монгольской словесности во Владивостокском университете, он выпускает «Пособие для практического изучения монгольского языка, которое помогало студентам уже после первого курса говорить на монгольском языке. Для студентов второго курса он выпускает книгу «Монгольские тексты», где приводятся образцы слога и орфографии современного делопроизводства. Наконец, в 1908 году издает лекции «По истории монгольской литературы», прочитанные профессором А.М.Позднеевым. В начале 1907–1908 учебного года Цыбиковым было издано «Пособие для изучения тибетского языка». С 1907 года он осуществляет выпуск пособий для практического изучения монгольского языка [4, с. 179]. Думаю, что, когда Юрий Рерих начинал изучать монгольский язык и литературу с А.Д.Рудневым, одним из тех преподавателей, у которых пришлось учиться и Цыбикову, эти работы не были оставлены без внимания. По крайней мере, в книге «По тропам срединной Азии» Ю.Н.Рерих ссылается на работы Цыбикова по монгольской лингвистике, когда сам приступает к изучению монгольских племен Цайдама [5, с. 225].

В своем путевом дневнике Цыбиков упоминает о встрече в Тибете с еще одним выходцем из бурятского рода Хоринской Степной думы Агваном Доржиевым, которому предстоит сыграть важную роль в восточной политике России.

Агван Доржиев родился в 1853 году в урочище Хара-Шибирь Хоринской Степной думы (ныне Заиграевского аймака Республики Бурятия). До 18 лет жил на родине, служил писарем в канцелярии Степной думы, обзавелся семьей и был преуспевающим мирским чиновником. Но вскоре его жизнь круто изменилась. В восемнадцать лет Агван принимает решение всецело посвятить себя духовной деятельности и отправляется в Тибет на учебу в знаменитый Гоман-дацан при монастыре Брайбун. Получив звание лхарамбы (профессора богословия), Агван Доржиев становится советником Далай-ламы XIII. Позже он стал его личным представителем в России. Стараниями Доржиева Тибет знакомится с Российским государством и принимает решение об установлении дипломатических и торговых отношений. В 1898 году Доржиев как официальный представитель тибетского Далай-ламы добивается приема государем России Николаем II, ведет

переговоры с российскими министрами. Царь и его советники восприняли идею сближения и союза с Тибетом в целом положительно, однако были не готовы к установлению официальных дружественных отношений, тем более к оказанию ему какой-то помощи. В 1901 году А.Доржиев вновь приехал в Россию уже во главе крупной тибетской делегации и опять вел переговоры с царскими министрами. Продолжительное время находился он в Санкт-Петербурге в качестве тибетского представителя. При поддержке России Тибет сохранил в то время свою государственную и территориальную целостность. Но, воспользовавшись русско-японской войной, англичане вторглись в долину Брахмапутры. Далай-лама в целях безопасности вынужден был покинуть столицу и временно перебраться в Монголию (Ургу), где находился почти три года; при нем неизменно присутствовал Агван Доржиев, который в качестве тибетского представителя в России продолжал линию на сближение России и Тибета. Весной 1905 года в Урге с Далай-ламой по поручению Русского географического общества встретился Петр Кузьмич Козлов. Он вручил Далай-ламе подарки и благодарность от России за гостеприимство, оказанное паломникам и путешественникам. Вскоре, там же в Урге, состоялась встреча Далай-ламы с буддологами-востоковедами Г.Цыбиковым и Ф.И.Щербатским. Далай-лама преподнес в качестве подарка Щербатскому и Цыбикову позолоченную статуэтку Цзонхавы и приглашение к нему на службу.

Во время пребывания в России Агван Доржиев поддерживает связь и с земляками как в Петербурге, так и в Бурят-Монголии. Вспомним, что цели Агвана Доржиева совпадали с теми задачами, которые решал Петр Александрович Бадмаев: расширение влияния России на Монголию и Тибет, развитие торговли. Оказывает Доржиев поддержку, в том числе и финансовую, бурятам, обучающимся в это время в Петербурге, среди них и Цыбен Жамцарано, хорошо знакомый к тому времени с Доржиевым, часто бывавшим в Забайкалье.

Во время учебы в Петербурге летние каникулы Жамцарано проводит на родине: собирает фольклорный и этнографический материал. В эти годы он начинает вести путевые дневники, написанные ярким, образным языком. Из опубликованных дневниковых записей 1905–1907 годов [6] нам известно, что в эти

годы он неоднократно встречался с Агваном Доржиевым и участвовал с ним в работе по борьбе с шаманизмом, распространенным тогда на территории Бурят-Монголии. Взгляды Доржиева, человека просвещенного, помогают сформироваться и взглядам Цыбена Жамцарано на роль просвещения жителей отдаленных окраин России. В своей статье «О бурятской интеллигенции» Жамцарано пишет: *«Агван Доржиев <...> не только политик, он вообще человек широкого почина. Будучи убежденным сторонником России в вопросах, касающихся Тибета, Монголии и бурят, он является и культурным работником, приверженцем распространения европейского просвещения — через русское — среди бурят, монголов и в Тибете»* [7, с. 81].

В эти же годы состоялась первая встреча Агвана Доржиева и с Н.К.Рерихом. Рерих познакомил Доржиева с нужными людьми, с помощью которых Доржиеву проще было ориентироваться в царской политике. Некоторое время спустя в Петербурге произошла еще одна встреча Агвана Доржиева с Н.К.Рерихом. Вот что написано в книге Л.В.Шапошниковой «Мастер»: *«...Агван Дорджиев, узкоглазый, вежливый, склонился в глубоком поклоне и протянул на вытянутых ладонях завернутый в желтый шелк сверток. — Это вам от его святейшества Далай-ламы, сказал он с легким акцентом <...> Николай Константинович принял из рук Дорджиева сверток <...> Знак благодарности за содействие интересам Тибета и Далай-ламы. В нем как будто было заключено обещание. Еще неясное и неопределенное, но обещание далекого и чудесного мира»* [8, с. 122–123].

В 1908 году Доржиев вновь прибыл в Петербург с ходатайством от Далай-ламы о разрешении строительства буддийского храма. Рассмотрев просьбу Далай-ламы, российские власти разрешили постройку буддийской молельни. В специально созданный комитет по строительству дацана вошли, кроме Агвана Доржиева, известные российские общественные деятели и ученые-востоковеды, такие как академик С.Ф.Ольденбург, академик В.В.Радлов, профессора Вл.Л.Котвич, А.Д.Руднев, Ф.И.Щербатской, князь Э.Э.Ухтомский, художник Н.К.Рерих, путешественник П.К.Козлов.

Дацан Будды был задуман А.Доржиевым не просто как место для молитвы проживающих в городе буддистов, но и как своего рода центр индо-тибетской духовности и культуры в европейской

России и даже во всей Европе. Доржиев выступал не просто как миссионер, несущий идеи буддизма в массы, он выступал в роли просветителя. Буддизм он рассматривал как одну из форм идеологического воздействия на монголоязычные племена. Можно сказать, что благодаря его усилиям по борьбе с языческим шаманизмом, господствовавшим в XIX веке у бурят-монголов, процесс просвещения в Бурят-Монголии имел свои специфические и своеобразные черты – здесь произошло слияние просветительства и религиозного реформаторства. В этом процессе неопределима заслуга молодых ученых, выходцев из бурятской среды, ведущая роль среди которых принадлежит Цыбену Жамцарано. С первых же летних университетских каникул он совершает поездки к иркутским и забайкальским бурятам и в Монголию в целях сбора фольклорного и этнографического материала. Начиная с 1905 года широко публикуются в различных изданиях статьи, научные сообщения, отчеты о командировках, доклады Цыбена Жамцарано, тексты фольклорных материалов. Его деятельность по собиранию фольклора монгольских народов уже тогда была оценена по достоинству. В частности, в 1906 году он был награжден за это серебряной медалью Русского географического общества. А сколько коллекций предметов шаманистского культа было им отправлено в те годы в Санкт-Петербургские музеи Петра I и Александровский. Только в 1905 году на средства этнографического отдела Александровского музея он собрал у агинских бурят коллекцию из 170 шаманских предметов. Все коллекции были собраны со знанием дела, и предметы культа, как правило, были получены из рук тех, кто ими пользовался – шаманов. В 1908 году совместно с А.Д.Рудневым Ц.Жамцарано издал книгу «Образцы монгольской народной литературы» [9, с. 213].

В 1909–1910 годах по заданию Русской комиссии по изучению Средней и Восточной Азии Жамцарано работал в Южной Монголии. Он поддерживает в эти годы и идеи национально-освободительного движения, идеи революции, но они выливаются у него, в первую очередь, в идеи просвещения; вот что напишет он позднее: «*После первой русской революции, приблизительно около 1906–1907 годов, зародилась у меня мысль заняться популяризацией научных знаний среди монгольских племен <...> для борьбы со средневековым схоластическим миропониманием*» [10, с. 76].

С конца 1911 года начинается монгольский период жизни и деятельности Цыбена Жамцарано. В Монголию его пригласили сразу после освобождения страны от маньчжурского гнета. В Монголии его называли на местный лад – Жамсрангийн Цэвээн. Он был назначен советником Российского консульства в Урге, одновременно исполнял обязанности советника по вопросам образования в монгольском правительстве Богдо-гэгэна и был первым учителем в начальной школе, открытой по его инициативе в министерстве иностранных дел Монголии.

При содействии Российской академии наук он основал в Урге две европейские типографии для монгольского правительства и русского консульства, начал издавать первую монгольскую газету и журнал, о них впоследствии рассказывают в своих путевых дневниках и Николай Константинович, и Юрий Николаевич Рерихи. Вот что записал Ю.Н.Рерих: *«В Урге издается ежедневная правительственная газета на монгольском языке, а недавно приступили к изданию учебников для высших школ, содержащих новейшие сведения по географии, истории и естественным наукам. Это стало возможно благодаря многосторонней деятельности доктора Т.З.Джамцарано, ученого секретаря Монгольского ученого совета, и г-на Бату-хана <...> Несмотря на ограниченные возможности типографии, изданные учебники хорошо оформлены и напечатаны»* [5, с. 131].

Водной их этих типографий были изданы книги Елены Ивановны Рерих «Основы буддизма» и монгольский вариант «Общины».

Февральская революция в России застала Ц.Жамцарано в Урге, но летом 1917 года он возвращается в родную Бурят-Монголию и включается в общественно-политическую работу. В 1919–1920 годах Жамцарано исполнял обязанности профессора Иркутского университета, преподавал там монгольский язык.

С 1920 года Цыбен Жамцарано через Дальневосточный секретариат Коминтерна принял участие в народно-революционном движении Монголии. После победы в 1921 году народной революции профессор Жамцарано был введен в состав Президиума ЦК Монгольской народной партии, входил в руководящее ядро монгольского правительства. Он был автором первой программы Монгольской народной партии. С этого момента он в течение 10 лет – один из видных деятелей Монгольской Народно-Революционной партии. Работал заместителем министра внутренних

дел, членом Экономсовета, Совета Госбанка, ученым секретарем Комитета наук Монголии, возглавлял Центральную контрольную комиссию МНРП.

Занимая высокие посты в правительстве, Ц.Жамцарано уделял много внимания организации народного образования и культурно-просветительной работе в Монголии. Особенно большую роль сыграл Цыбен Жамцарано в организации научно-исследовательской работы, владея несколькими европейскими языками, он делал переводы европейской научно-популярной и художественной литературы на монгольский язык. При его непосредственном участии были основаны Государственная библиотека, краеведческий музей, архив. В 1921 году под его руководством был создан Монгольский ученый комитет (будущая Академия наук Монголии), Ц.Жамцарано стал его первым ученым секретарем. Это было как раз в тот период времени, когда в Урге побывали научные экспедиции П.К.Козлова и Центрально-Азиатская академик Н.К.Рериха. Будучи человеком европейски образованным и широко мыслящим, Цыбен Жамцарано понимал значение тех экспедиций, которые ему пришлось встречать, он оказывал им всяческое содействие и в плане решения бытовых проблем, и помощь в ознакомлении с культурными традициями и особенностями монгольского народа. Вот что написал об этом Юрий Николаевич: *«Урга предоставляет уникальные возможности для изучающих тибетскую литературу <...> Монгольская столица более доступна, чем Тибет, и ее ученые всегда готовы помочь европейским коллегам в исследованиях. Я всегда испытывал истинное наслаждение и интеллектуальный подъем, беседуя с доктором Джамцарано, который, благодаря своим глубоким знаниям, обладает уникальным даром расшифровывать древнее сокровенное учение Монголии и Тибета»* [5, с. 133–134]. Так же тепло отзывался о нем и Н.К.Рерих. В своем дневнике он записывает в дни подготовки к отъезду экспедиции из Урги: *«Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Хлопочет Ж.*; он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя в Монголию. Странно слышать начало повести в Индии, а конец в Монголии. Так связывается вся молчащая пустыня одною напряженною мыслью»* [1, с. 390–391]. Под «Ж*» здесь имеется в виду именно Цыбен Жамцарано.

Следует сказать и о впечатлении, сложившемся от общения с Жамцарано у находившегося в это же время в Урге Петра Кузьмича Козлова. В своем путевом дневнике он записал: *«Больше всех мне доставил удовольствие и интерес славный Жамцарано. Сколько интересного он дает моим помощникам...»* [11, с. 42]. *«Мы <...> нередко общаемся с Ц.Жамцарано. Последний — источник знаний и всегда что-либо порасскажет очень интересное, относящееся к нашим перспективам, к нашим вопросам»* [11, с. 146].

После окончания Центрально-Азиатской экспедиции Юрий Николаевич Рерих продолжал поддерживать связь с Жамцарано, содействовал распространению его работ на Западе, о чем свидетельствуют письма Ю.Н.Рериха к книготорговым фирмам, где он предлагает, в числе нескольких книг по Монголии, и работу Жамцарано «Произведения народной словесности бурят», вышедшую в 1930 году в ленинградском издательстве [12, с. 180–181]. Этой книгой до сих пор пользуются ученые-фольклористы всего мира.

Судьба же Цыбена Жамцарано в дальнейшем сложилась трагически. В первые послереволюционные годы он разработал и предложил свой вариант национального развития молодой народной республики, основанный на убеждении, что переход к социализму в Монголии имеет свою специфику, которая отличается от канонических марксистско-ленинских учений. Жамцарано писал, что необходимо восстановить исторический регион проживания монголов и превратить страну в действительно самостоятельное, суверенное государство, независимое от влияния Японии, Китая и России, причем Монголия должна придерживаться нейтралитета, как Швейцария, считал он. В своих публицистических статьях Ц.Жамцарано призывал не притеснять ученых лам, а в монастырях развивать светское образование — грамотность на родном языке и элементы точных наук и естествознания, считал необходимым объединение бурятской национальной интеллигенции, поддерживал бурятскую национальную идею. За эти взгляды Жамцарано был в 1930 исключен из Монгольской народно-революционной партии и выслан в Россию.

В 1932 году в СССР он работал под руководством академика С.Ф.Ольденбурга в Институте востоковедения АН СССР. В 1935-м он стал доктором литературоведения за выдающиеся

труды по фольклору бурят и монголов. А в 1937 году необоснованно арестован с обвинениями в организации контрреволюционной шпионско-диверсионной деятельности в пользу Японии, приговорен к пяти годам тюремного заключения. Отбывал заключение в тюрьме города Орла и в начале войны, в 1942 году, был расстрелян в поселке Илецк Оренбургской области. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

Этот факт привел к тому, что большинство трудов Цыбена Жамцарано, его дневники, в том числе дневниковые записи 1926 года, остаются до сих пор неопубликованными и, возможно, неизученными. Видимо, недостаточная освещенность деятельности этой выдающейся личности и позволила господину В.А.Росову назвать в своей диссертации гуманиста и просветителя Цыбена Жамцарано «одним из главных идеологов “революционного панмонголизма”» [13, с. 49].

Сам же Цыбен Жамцарано писал: *«Настало время творческой культурной работы всех и каждого. Пусть каждый образованный бурят вносит в жизнь своего народа столько, сколько может, хотя бы самую маленькую лепту, а сумма вклада всех превратится в великую творческую силу и возродит народ, буряты перестанут быть “насынками цивилизации”»* [7, с. 82].

Раскрывая тему «Центрально-Азиатская экспедиция и Забайкалье», мы рассмотрели связь Рерихов с Забайкальем не в плане пребывания экспедиции на забайкальской земле, а в плане сотрудничества с нашими замечательными земляками, близкими им по духу, такими как Гонбочжаб Цыбиков, Агван Доржиев и Цыбен Жамцарано. Тему же о связи земли за Байкалом с Центрально-Азиатской экспедицией академика Н.К.Рериха можно продолжить рассказом о коротком пребывании экспедиции в забайкальском городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), куда прибыли участники экспедиции в августе 1926 года, направляясь с Алтая в Монголию, в это время в Верхнеудинске жил и работал Гонбочжаб Цыбиков. Именно на забайкальском отрезке пути экспедиции, на российском пограничном пункте Кяхта (в то время город Троицкосавск), после которого Россия осталась позади, старшие Рерихи прошли последние свои шаги по российской земле. Тогда они не прощались с Россией, были уверены, что вернутся на Родину. Но, увы, этому не суждено было сбыться.

Литература

1. *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. М.: Сфера, 1999.
2. ГАЧО. Ф. Р517, оп. 1, д. 9.
3. *Черепицин А.* Этот неистовый Доржиев // Земля. 1993. № 36.
4. *Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М.* Гонбочжаб Цыбиков. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990.
5. *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара, 1994.
6. *Жамцарано Ц.* Путевые дневники: 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
7. *Жамцарано Ц.* О бурятской интеллигенции // Байкал. Улан-Удэ, 1990. № 1.
8. *Шапошникова Л.В.* Великое Путешествие. В 3 кн. Кн. 1: Мастер. М.: МЦР, 1998.
9. *Носов Д.А.* Монгольские сказки из собрания Ц.Ж.Жамцарано Архива востоковедов при СПбФ ИВ РАН // Буддийская традиция: история и современность (Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева: Материалы конференции 25–27 ноября 2004 г.). СПб.: ЭГО, 2005.
10. *Цыбиков Б.* Подвижник просветительства // Байкал. Улан-Удэ, 1990. № 1.
11. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. Т. 30. СПб., 2003.
12. *Рерих Ю.Н.* Письма. Т. 2. М.: МЦР, 2002.
13. *Росов В.А.* Русско-американские экспедиции Н.К.Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. СПб, 2005.